

Выслушав Бай Юэху, Лу Цинцзю не смел даже вообразить, в каких лишениях жил раньше лисий дух его семьи. Он только-только начал жизнь, в которой можно есть тёплую пищу, как ради спасения пришлось проглотить этот странный на вкус труп.

Чем больше Лу Цинцзю думал об этом, тем сильнее сжималось у него сердце. Он поспешил утешить Бай Юэху, пообещав приготовить дома вкуснейшее угощение: большой котелок крабов в остром соусе и такой же котелок на пару, чтобы лис наелся досыта. Услышав это, Бай Юэху немного воспрял духом, поднялся с земли и сказал: «Пойдём домой». Снова взял Лу Цинцзю за руку и потянул в сторону выхода. Цинцзю шёл следом и вдруг спросил: «Ты же только что её съел... она не разозлится? И... мы ведь пришли сюда, чтобы её съесть, зачем тогда было стучать?»

В самом деле, после стука дверь им открыли. Подумав об этом, он даже слегка пожалел Наложницу Повелителя Дождя.

Бай Юэху сказал: «Дверь открыла не она».

«А кто же?»

Бай Юэху коротко объяснил: «Тот, кто построил гробницу, естественно».

Только тогда Лу Цинцзю понял, в чём был истинный смысл этой усыпальницы.

Наложница Повелителя Дождя вовсе не походила на своего супруга. Она была цзингуай*, тогда как сам Повелитель Дождя – божеством. Если сила Повелителя Дождя была светлой, то сила его наложницы – тёмной, зловещей. Она искусно насылала проклятия и повелевала ядовитыми змеями. Да, она олицетворяла стихию солнца, но методы её были мрачны и коварны.

[Нечто среднее между духом и чудовищем, по сути – злобное существо.]

После её смерти солнце палило сто дней подряд, и люди остались без урожая. Повелитель Дождя понял, что это проклятие, рождённое неупокоенной обидой наложницы. Чтобы усмирить её гнев, он воздвиг эту гробницу и заключил тело наложницы внутрь, запечатав её обиду.

Позже Пан Цзыци и другие ворвались в усыпальницу, привели в действие древние механизмы и оказались заражены злобой Наложницы Повелителя Дождя, едва не поплатившись жизнями.

Лу Цинцзю наконец осознал: дверь им открыл не она, а её муж – сам Повелитель Дождя.

У выхода из гробницы они услышали частую дробь дождя снаружи. Лу Цинцзю уже приготовился – достал из сумки зонт и раскрыл его над их головами. Выйдя через каменные ворота, они поднялись по грязному склону и снова ступили на ровную землю. Лу Цинцзю шёл

следом, но, достигнув вершины, замер в изумлении: у входа в гробницу стоял человек в синем. На его лице была маска, скрывавшая половину черт, оставляя на виду лишь идеально очерченные, прекрасные губы. Глаза цвета озёрной воды, бледно-голубые и спокойные, смотрели на Лу Цинцзю и Бай Юэху.

Незнакомец, как и они, держал в руках зонт - тот самый, что Лу Цинцзю видел у дамы, сопровождавшей Пан Цзыци. Видимо, это и был тот, кто похоронил наложницу, - сам Повелитель Дождя.

«Давно не виделись», — произнёс мужчина чистым, приятным голосом.

«Давно, — отозвался Бай Юэху. — Ты опоздал». Его «опоздал» означало: «тела твоей жены больше нет».

Лу Цинцзю ожидал, что Повелитель Дождя разгневется, но тот лишь моргнул и мягко улыбнулся: «Знаешь, что я сказал в самом начале?»

Бай Юэху спросил: «Что?»

«В тот год, когда она умерла, я спросил А-Мина, не согласишься ли ты помочь - съесть её тело, чтобы избежать последствий. Но А-Мин поклялся, что ты ни за что не согласишься, — голос Повелителя Дождя звучал тихо, — потому что на вкус это будет отвратительно...»

Бай Юэху холодно оборвал: «Не „отвратительно“, а „крайне отвратительно“».

«Но ты же всё равно съел?» — Повелитель Дождя рассмеялся. С его смехом дождь с небес полил ещё сильнее, барабанил по куполам зонтов чистым, звонким стуком.

Лу Цинцзю молча слушал. Он не ожидал такого поворота: думал, как родственник, Повелитель Дождя потребует возмездия. А тот улыбался, словно цветок, готовый едва ли не вручить Бай Юэху благодарственный свиток.

Заметив недружелюбный взгляд Бай Юэху, Повелитель Дождя понял, что шуткам конец: «Ты проделал путь в тысячу ли до самого Тангу. Я, как хозяин, обязан проявить гостеприимство...»

Бай Юэху приподнял бровь.

«Прощу сюда», — Повелитель Дождя сделал широкий, приглашающий жест.

Бай Юэху без лишних слов вышел под дождь, по-прежнему держа Лу Цинцзю за руку. Заметив это, Повелитель Дождя на мгновение задумался.

Бай Юэху вёл Лу Цинцзю за собой. Они шли вперёд, и дождь становился всё гуще, застилая глаза плотной пеленой. Но больше всего Лу Цинцзю удивило то, что капли не касались его одежды. Вода словно соскальзывала с невидимого барьера, оставляя его сухим.

За стеной дождя ничего не было видно, и Лу Цинцзю просто следовал за Бай Юэху, пока они не переступили незримую границу. Ливень прекратился мгновенно.

Лу Цинцзю опустил зонт и увидел другой мир.

В небе этого мира плыла гигантская река. Вода была прозрачной и небесно-голубой, точно глаза Повелителя Дождя. В ней резвились маленькие рыбки, переливаясь всеми цветами радуги. Водоросли извивались в течении, круглые гладкие камни лежали на дне. Это было прекрасно, как сон.

Лу Цинцзю застыл, поражённый. Лишь лёгкое движение руки Бай Юэху вернуло его к реальности.

Похоже, это был мир Повелителя Дождя. Весь мир был наполнен водой.

Даже земля под ногами была водой, слегка колышущейся от ветра. Но что-то не позволяло провалиться, и Лу Цинцзю мог шагать по поверхности. В глубине он увидел несколько гигантских рыб тёмного цвета, каждая не меньше пяти метров. Их плавные, мощные движения вызывали смутную, необъяснимую тревогу.

«Пожалуйста». — Повелитель Дождя, восседавший на каменном помосте, сделал плавный приглашающий жест в их сторону. Лу Цинцзю и Бай Юэху опустились напротив него. По мановению руки Повелителя на столе материализовались изысканные фарфоровые блюда с невероятно аппетитной белой рыбой. Рядом лежали и другие яства, незнакомые Лу Цинцзю; одно напоминало желе, прозрачное, словно вода.

Лу Цинцзю бросил взгляд на Бай Юэху; тот кивнул, разрешая трапезу. Взяв палочки, Лу Цинцзю отломил кусок рыбы. В действительности его больше манило таинственное желе, но первой он всё же попробовал рыбу. Вкус был просто изумительным – плоть была сочной, маслянистой, с лёгкой сладостью, без намёка на рыбный запах. Совершенство.

«Вкусно!» — воскликнул Лу Цинцзю.

Глаза Повелителя Дождя изогнулись от улыбки: «Если понравилось – ешьте больше. С тех пор как Бай Юэху отбыл в Шуйфу, он давно не навещал эти места».

«Он часто приходил сюда прежде?» — осведомился Лу Цинцзю.

«Куда бы он ни отправился в поисках пищи, — отозвался Повелитель Дождя, — он всегда её находил. А насытившись, просто уходил. Из-за этого он ввязывался в бесчисленные стычки».

Бай Юэху поднял бровь: «Если бы не боялся, что я тебя побью, впустил бы?»

Повелитель Дождя развёл руками: «А разве не я тебя впустил?»

Бай Юэху: «Разве не из-за твоей прелестной супруги?»

Повелитель Дождя: «...»

Слушая их перепалку, Лу Цинцзю едва сдержал улыбку. Похоже, у Повелителя Дождя и Бай Юэху были добрые, почти дружеские отношения.

Проглотив рыбу, он отломил кусочек прозрачного желе и отправил в рот. Лу Цинцзю ожидал желеобразной текстуры, но блюдо оказалось упругим, мясным, с изысканным вкусом. Чуть напоминало рыбу, но без её оттенка.

«Исключительно вкусно», — снова похвалил он.

«Правда же? — Повелитель Дождя улыбнулся. — Это называется Тайсуй. Он способен продлить жизнь вкусившего».

«Тайсуй? Но разве Тайсуй не имеет жироподобную форму?» — удивился Лу Цинцзю.

«Те Тайсуй осквернены миром людей, — пояснил Повелитель. — Новорождённые же Тайсуй прозрачны».

Лу Цинцзю кивнул. Он знал, что Тайсуй — это плоть гриба-линчжи, нечто мясоподобное, но от грибов далёкое. При микроскопическом анализе в нём обнаруживается животный белок; а во влажной среде он продолжает расти, как живой. Среди людей ходило множество сказаний о Тайсуй. Лу Цинцзю даже слышал, будто Сюй Фу отправился на восток искать его для Первого Императора Цинь.

Он съел ещё кусок, поражённый вкусом, и снова восхитился. Но Бай Юэху, кажется, остался равнодушен. Когда Повелитель Дождя спросил, почему тот не ест, Бай Юэху без церемоний ответил: «Приелся».

Повелитель не обиделся, лишь посоветовал Лу Цинцзю есть больше — для здоровья.

Лу Цинцзю поблагодарил, но, продолжая трапезу, почувствовал: вкус ему смутно знаком. Он

замер, задумался - и вдруг вспомнил. Палочки застыли в воздухе, а он с недоверием уставился на Бай Юэху: «Юэху...»

«М-м?»

«Кажется, ты как-то говорил, что у Инь Сюня... качественное мясо...»

Бай Юэху моргнул, лицо его выражало непорочную невинность: «Я его не ел».

«Я не об этом... Тело Инь Сюня разве не должно быть...»

«Всё именно так, как ты думаешь».

В следующее мгновение Лу Цинцзю, дрожа, отложил палочки. Если Инь Сюнь создан из воды, почему Бай Юэху им заинтересовался? Теперь всё стало ясно: это была не вода, а мясо, притом превосходное - и он его только что попробовал.

«Это... откуда этот мясной гриб? — слабо выдохнул он. — Он... может стать человеком?»
Сердце сжалось: будто он предал своего бесполезного лучшего друга.

«Что? — Повелитель Дождя не понял его волнения. — У вас есть друг из плоти линчжи?»

«Да».

«О, не тревожьтесь, — беспечно махнул рукой Повелитель. — Плоть линчжи - просто пицца, но, обладая особыми свойствами, может быть использована для воссоздания тела. Стало быть, ваш друг однажды уже умер, верно?»

Так и было: Инь Сюнь говорил, что умер, упав в лужу. Тот странный человек дал ему второй шанс, должно быть, использовав линчжи, чтобы восстановить тело.

Поняв это, Лу Цинцзю наконец расслабился.

Когда трапеза завершилась, Бай Юэху поднялся, прощаясь. Повелитель Дождя не стал удерживать, лишь проводил их пристальным взглядом.

Бай Юэху вывел Лу Цинцзю сквозь дождевую завесу мира Повелителя обратно в реальность, а затем - домой.

«Инь Сюнь, мы вернулись!» — крикнул Лу Цинцзю, переступая порог внутреннего двора. Они отсутствовали целый день; он волновался, выключил ли Инь Сюнь тушёное мясо.

Услышав голос, Инь Сюнь стремительно выскочил из дома: «Вернулись!»

«Плиту выключил?»

«Всё готово, — закивал Инь Сюнь. — Я даже попробовал — мясо восхитительное».

Лу Цинцзю улыбнулся: «Тогда сегодня вечером подадим тушёную говядину».

Бедному Бай Юэху пришлось проглотить изрядную долю грязи; Лу Цинцзю решил устроить пир в благодарность лисьему духу за спасение.

На следующий день прибыла посылка от Чжу Мяомяо. Лу Цинцзю отправился в город забирать её. В коробке, перевязанной верёвкой, копошились волосатые крабы — самцы и самки, полные плотного, сочного мяса.

Инь Сюнь никогда не видел крабов. Широко раскрыв глаза, он переводил взгляд с одного на другого и спрашивал, правда ли они вкусные — выглядят твёрдыми, как камни.

«Конечно, вкусные, — рассмеялся Лу Цинцзю. — Сегодня у нас крабовый ужин. Половину приготовим на пару, остальных — под острым соусом».

«Да-да-да!» — обрадовался Инь Сюнь.

Бай Юэху крабы, кажется, не интересовали вовсе.

Мёртвых крабов есть нельзя, поэтому Лу Цинцзю сразу отправил половину в пароварку, а остальных рассек пополам и принялся за острых крабов. Для разнообразия добавил картофель и лук — чтобы было чем перебить вкус, когда крабового мяса станет много.

Пока кипел соус, Лу Цинцзю позвонил Чжу Мяомяо поблагодарить. Та рассмеялась и сказала, что если нужно ещё — может прислать пару цзиней. С ней он церемониться не стал и с улыбкой согласился.

Крабы приобрели золотистую корочку. Лу Цинцзю выбрал специальную крабовую приправу, добавил в неё зелёный лук, обжарил в масле, затем влил уксус для крабовых блюд — так соус стал особенно насыщенным, идеальным сопровождением.

Крышку ещё не сняли, а аромат чили-крабов уже витал в воздухе, заставляя Инь Сюня кружить вокруг плиты.

Забирая посылку, Лу Цинцзю зашёл в лавку за хуанцзю*. Крабы — пища холодная, и переждать

вредно. Имбирный чай и подогретое хуанцзю – лучшие спутники такой трапезы. Остальные имбирный чай не жаловали, поэтому он принёс только вино.

[Традиционное китайское рисовое вино солнечного, янтарного оттенка издревле изготавливалось в Китае, семейные рецепты передаются многими поколениями. С этого древнего напитка начинается история национального виноделия. Самые знаменитые сорта хуанцзю разливаются в Шаосине, поэтому напиток иногда называют шаосинским старым вином. Хуанцзю обладает специфическим вкусом и запахом, традиционно подается слегка разогретым. Для подогрева применяют особые бронзовые сосуды, в которых напиток погружают в нагретую воду.]

Лу Цинцзю попросил Инь Сюня накрыть на стол. Они будут ужинать крабами под луной. Инь Сюнь, уже не в силах ждать, послушно расставил стулья, и все трое уселись.

Сентябрьские крабы лопались от жира. Сняв панцирь, можно было увидеть икру, стекающую маслянистыми каплями. Лу Цинцзю показал Инь Сюню, как чистить тушку: икру можно макать в соус и есть сразу, а мясо – извлекать щипцами и складывать в пустой панцирь, чтобы потом насладиться целой горстью.

Отведав восхитительной икры и мяса, запив чашкой тёплого хуанцзю, Лу Цинцзю вдыхал лёгкий аромат османтуса, принесённый ветерком, и снова ощутил благодарность за свой выбор.

Как хорошо, что он вернулся. Вернулся в эту деревушку по имени Шуйфу.

Бай Юэху неподвижно созерцал краба, лишь чуть хмуря брови, будто размышляя, не съест ли его целиком, вместе с панцирем. Сердце Лу Цинцзю всё ещё ныло при воспоминании, как лису пришлось проглотить тот комок грязи, поэтому он помог Бай Юэху разделать тушку, обмакнул нежную икру и белоснежное мясо в соус и поднёс прямо к его губам.

«Кушай», — с улыбкой произнёс Лу Цинцзю.

Бай Юэху склонился и принял угощение. Нахмуренные брови мгновенно разгладились, он слегка приоткрыл рот и выдохнул: «Очень вкусно».

«Правда? — отозвался Лу Цинцзю. — Сначала доедай краба в чили, а я пока приготовлю для тебя парового».

Бай Юэху кивнул.

Если паровой краб раскрывал чистый, свежий вкус самого мяса, то чили-краб был иным – насыщенным, пряным. Мясо успело впитать аромат специй, превратившись из лёгкой

прохлады в жгучее благоухание. Бай Юэху взял одного и принялся есть, поначалу немного неуклюже. Он заметил, что панцирь мешает удовольствию, и, хотя мог бы разгрызть его, послушно выплевывал твёрдые кусочки.

Инь Сюнь быстро постиг науку поедания крабов. Он справлялся проворно, но аппетит его уступал лисьему. Шесть-семь штук - и он был почти сыт, однако желание ещё оставалось. Он уставился на Лу Цинцзю широко раскрытыми глазами и заявил: «Я всё ещё хочу».

«Так ешь, — ответил Лу Цинцзю. — Крабов ещё много, верно?» Он приготовил всех, кого прислала Чжу Мяомяо.

«Но я больше не могу, — пожаловался Инь Сюнь. — В них так мало мяса, почему же они такие сытные?»

Лу Цинцзю усмехнулся: «Если понравилось, попрошу друга прислать ещё. Но не передай, живот заболит - ты не Бай Юэху».

Обычному человеку хватало пяти-шести крабов, но для Бай Юэху это была лишь мелочь, даже не способная заполнить промежутки между зубов. Тем не менее, он не настаивал, чтобы Лу Цинцзю продолжал чистить для него, а говорил, что тому стоит есть самому. Раньше Бай Юэху ленился лишний раз пошевелиться, но если брался за дело, то выполнял его безупречно. Его силы хватало, чтобы зажать клешню между пальцев и без усилий разломить, извлекая нетронутое мясо.

Лу Цинцзю не забыл угостить крабами лисёнка и маленьких чёрных поросят. Лисёнку не требовалась помощь: его острые зубы за несколько укусов дробили панцирь в щепки. Он проглатывал мясо вместе с костями, чем немного напоминал ленивого Бай Юэху и его прежние привычки.

Осень - пора любования луной. Погода стояла прекрасная, ни жаркая, ни холодная. В вышине висел тонкий серп месяца. Через несколько дней наступит Праздник Середины Осени, время лунных пряников.

Их можно было купить в городе, но Лу Цинцзю решил приготовить сам - то, чего никогда не делал прежде. Он задумал испечь пряники с яичным желтком и лotosовой начинкой, а также несколько мясных. Маленькой духовки в доме ещё не было, поэтому на следующий день он собирался в город - купить печь и заодно навестить в больнице Пан Цзыци.

Насытившись, Инь Сюнь отправился домой, оставив их с Бай Юэху наедине.

Бай Юэху склонил голову, медленно и тщательно извлекая крабовое мясо. Длинные, тонкие пальцы двигались проворно, выбирая белоснежные волокна одно за другим, пока не дошли до

самой основы панциря.

Закончив, он взглянул на Лу Цинцзю, сидевшего рядом с лёгкой улыбкой, поднял руку и поднёс добытое мясо к его губам.

Цинцзю на миг остолбенел: «Не надо...» Он был сыт.

Но Бай Юэху не отводил руки, лишь слегка приподнял её, настаивая.

Цинцзю не смог сдержать улыбки, приняв его доброе намерение. Но когда он уже собрался принять угощение, его внезапно осенило, и он повернулся к Бай Юэху. Если память не изменяла, это был первый раз, когда Юэху делился с ним едой. Лу Цинцзю знал: когда дикие звери едят, они очень бдительны. Добавить к этому врождённую ярость, с которой Бай Юэху охранял свою пищу, – из своей чашки он не уступал никому. На сей раз его действия были так естественны, что Лу Цинцзю едва заметил, насколько они отличаются от привычного поведения.

Лу Цинцзю откусил кусочек. На вкус он был особенным – возможно, потому, что краба очистил сам Бай Юэху. Лу Цинцзю рассмеялся.

Бай Юэху спросил: «Чему ты радуешься?»

Лу Цинцзю ответил: «Тому, что я, смотритель за животными, дожил до дня, когда удостоился такого».

Бай Юэху приподнял бровь: «Удостоился?»

Лу Цинцзю не стал объяснять, лишь улыбнулся.

Бай Юэху не понял смысла его улыбки. Он не видел ничего особенного в своих действиях и не чувствовал ничего неправильного в том, чтобы делиться едой с Лу Цинцзю.

«Пойдём спать», — предложил Лу Цинцзю, когда последний краб был съеден. Он чувствовал лёгкую усталость. Была уже глубокая ночь, и ветер стал прохладнее.

«Ладно, иди первым, — сказал Бай Юэху. — Я приберусь на столе».

Лу Цинцзю кивнул. Он потянулся, вошёл в дом, умылся и лёг. Лёжа в постели, он сквозь окно видел Бай Юэху во дворе: тот склонился, собирая тарелки и палочки. Нельзя было не вспомнить слова Пан Цзыци: «Дикий зверь остаётся диким зверем. Даже если притворяется человеком, стоит разгневаться – и проявит жестокую природу». И что с того? Даже кролик кусается, загнанный в угол. К тому же Бай Юэху – не неразумная тварь. Он знал, кто он, и

понимал, что делал. Пожалуй, в какой-то мере его самообладание было крепче, чем у иных людей.

Думая об этом, Лу Цинцзю зевнул. На него накатила тяжёлая волна сонливости. Он закрыл глаза – и через мгновение погрузился в сладкий мир грёз.

На следующее утро погода была ясной и свежей, чистое небо простиралось до самого горизонта.

Приготовив завтрак, Лу Цинцзю собрался в центральную городскую больницу навестить Пан Цзыци.

Медвежонок Инь Сюнь устроил плач и бунт, желая отправиться с ним, так что беспомощному Лу Цинцзю оставалось лишь согласиться.

Они сели в пикап и поехали в город. Спустя несколько часов они добрались до центральной больницы. Подойдя к палате, услышали, как Пан Цзыци гневно кричит: «Я уже при смерти, может, хватит меня преследовать?! Будь человеком!»

Лу Цинцзю заметил: «Кажется, он весьма бодр».

Инь Сюнь кивнул: «Намного лучше, чем несколько дней назад...»

«Наложница Повелителя Дождя больше не должна терзать его, верно?» — сказав это, Лу Цинцзю толкнул дверь и вошёл. Но, взглянув на Пан Цзыци, он на несколько секунд замер.

Пан Цзыци сидел на больничной койке, оживлённо споря. Наложница Повелителя Дождя, прежде лежавшая на нём пластом, действительно исчезла, но теперь на его плече восседал новый человечек – ростом с большой палец, с несчастным выражением лица. Этот человечек... был чибби-версией Наложницы Повелителя Дождя.

Инь Сюнь и Лу Цинцзю переглянулись. В глазах друг друга они прочитали одинаковое изумление.

Автору есть что сказать:

Бай Юэху: «Я разделю с тобой свою еду». — Отдаёт половину.

Лу Цинцзю съедает, сияя от счастья.

Бай Юэху: «Ты тоже должен дать мне половину».

Лу Цинцзю: «Что? Еды?»

Бай Юэху: «Отдай мне половину себя».

Лу Цинцзю: «...Эй... Постой, что?!»

Переводчику есть что сказать:

Цинцзю - расхититель гробниц! А кто такой А-Мин?

Второй шаг в отношениях героев - поделиться едой. Милашки.

У нас появляются чибики! Лу Цинцзю - сводник! Подобрал пару Старому Дереву, а теперь и Наложнице Повелителя Дождя нового мужа?

Более подробная информация о Тайсуй - https://en.wikipedia.org/wiki/Feng_ (мифология)

<http://bllate.org/book/15722/1611324>